

смерти Гильома Оверньского не было ни одного французского ученого, который мог бы с ними сравниться.

Под покровом преемственности готовятся глубокие изменения, так как это церковное учреждение уже испытывало сильное давление, направленное в конечном счете на его национализацию. Университет XIV века ощущает последствия всех конфликтов, разгоравшихся тогда между французской короной и Святым престолом, и каждый кризис словно разделяет его. Король, естественно, хочет опереться на университет, оказывая давление на папу, но если среди преподавателей-французов он легко находит желанную поддержку, то так же естественно наталкивается на безразличие или даже оппозицию определенного числа преподавателей-иностранцев. После знаменитого публичного собрания 24 июня 1303 г. в садах Лувра, где Филипп Красивый требует от членов всех орденов созыва собора, который должен осудить папу, 87 из 155 францисканцев отказываются подписаться под этим требованием; таким образом, среди иностранцев непокорных большинство. В отчете Фреско-бальди говорится: «В домах нищенствующих братьев нашлось достаточно разных языков, которые не пожелали согласиться. И тем, которые не согласились, король тотчас приказал покинуть королевство, что те немедленно исполнили». В их число входил Иоанн Дуне Скот, и непонятно, почему гал-ликанизм* смог заинтересовать этого шотландца. Но эти меры должны были продемонстрировать иностранным магистрам, что отныне Парижский университет находится во Франции, а не в христианском мире. Теперь нужно было, чтобы и студенты-иностранцы не в меньшей степени убедились в этом. В 1313 г. отношения между Францией и Англией становятся открыто враждебны-

537

7. Жан Жерсон и итоги XIV столети

ми, от английских студентов для высадки на французский берег требуют паспорта, а также специальные разрешения на ввоз определенных монет, которые потом у них конфисковывают и пробивают. Из-за стольких притеснений и придинок универсализм парижского «Studium'a» не мог не пострадать. По мере того, как Парижский университет избавлялся от подчинения папам, последние считали все менее необходимым сохранять его привилегии. В 1316 г. папа Иоанн XXII предоставил Тулузскому университету те же привилегии, что и Парижскому, но другие университеты вскоре заявили о своем намерении больше вообще не признавать эти привилегии. В XIII веке парижский лицензиат имел право преподавать в любом другом университете, не сдавая нового экзамена, — но не наоборот. С начала XIV века Оксфорд и Монпелье отказываются принимать в качестве профессоров парижских лицензиатов. Париж протестует, и Иоанн XXII восстанавливает его прежние привилегии, но в 1317 г. Эдуард II* требует такого же права (*sine novo examine*)** для преподавателей, получивших степень в Оксфорде. В этой милости ему было отказано. В 1322 г. Оксфорд возвращается к своему требованию, указывая, в частности, на тот факт, что Ал-куин, основатель Studium'a в Париже, был англичанином. Кстати, именно в это время Ричард из Бери (Richard of Bury) в своем трактате «Филобиблион» отмечает, что после того, как Studium переместился из Афин в Париж, он сможет успешно устроиться и в Англии. Так, когда Парижский университет своей антипапской деятельностью подрывает свое исключительное положение в Церкви, в мирском плане он наталкивается на поднимающиеся против него местное соперничество и университетский национализм. Эти беспорядки возрастают на протяжении всего XIV столетия. В 1329 г. Жан Жанденский и Мишель Сезен (Cesene), рассуждая устно и письменно в качестве парижских преподавателей, подрывают авторитет светской власти пап с вероуверительной точки зрения; в